могут напоминать ему о неизбежности смерти, как например зеркало в поэме Бакунина говорит герою:

... старик, не позабудь,
За шестьдесят уже минуло
И собираться надо в путь.
(Бакунин)[22]

Капнист даже приводит в конце поэмы автоэпитафию:

«Капнист сей глыбою покрылся;
Друг муз, друг родины он был;
Отраду в том лишь находил,
Что ей, как мог, служа, трудился,
И только здесь он опочил».

Наконец, Державин рассуждает о тленности мира на примере картины разрушения Званки после его смерти:

Так самых светлых звезд блеск меркнет от нощей.
Что жизнь ничтожная? Моя скудельна лира!
Увы! и даже прах спахнет моих костей
Сатурн крылами с тленна мира.

Разрушится сей дом, засохнет бор и сад,
Не воспомянется нигде и имя Званки;
Но сов, сычей из дупл огнезеленый взгляд,
И разве дым сверкнет с землянки.

Замечание И. З. Сермана о том, что «В „Жизни Званской" Державин поэтически воспроизвел „вечер" своей собственной жизни»,[23] кажется чрезвычайно точным.

Таким образом, завершая описание усадьбы, герой одновременно как будто завершает и описание собственной жизни. Этим лишний раз подчеркивается тяготение усадебной жизни к полной изоляции и претензии ее на абсолютную законченность и совершенство; это исчерпывающий мир, в котором есть все, что необходимо человеку для полноценной счастливой жизни.[24] Внутри этого гармоничного мира практически отсутствует различение высокого и низкого, поэтому соседство бытового и возвышенного не создает комического эффекта:

---

[22] О тесной связи усадебной лирики с реальностью в целом и текста поэмы в частности свидетельствует тот факт, что, перерабатывая поэму в течение более 10 лет, Бакунин менял упоминаемый в ней собственный возраст (см.: *Бакунин А. М.* Собрание стихотворений. С. 195).

[23] *Серман И. З.* Державин. С. 100.

[24] В этой связи обращает на себя внимание фраза Державина «Внутрь дома тешимся столиц увеселеньем», указывающая на то, что любое столичное развлечение можно найти и в деревне.